

А.А. Байков

"НЕСТАНДАРТНАЯ" ИНТЕГРАЦИЯ И СТАРЕЮЩИЕ СТАНДАРТЫ

Mark Beeson. Regionalism and Globalization in East Asia: Politics, Security, Economic Development. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 324 p.

Марк Бисон. Регионализм и глобализация в Восточной Азии: политика, безопасность, экономическое развитие. Нью-Йорк: Палгрейв Макмиллан, 2007. 324 с.

Сегодня интеграция – не набор выверенных шаблонов, родоначальницей которых более полувека назад стала послевоенная Западная Европа, а живая подвижная субстанция, в созидание которой включились страны и народы всех континентов. Растет число экономических блоков, оглашаются интеграционные программы, множится список концепций построения сообществ различного типа: Европейский Союз (ЕС), Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), Меркосур¹, Содружество Независимых Государств (СНГ), Ассоциация стран Юго-Восточной (АСЕАН), Азиатско-Тихоокеанский форум экономического сотрудничества (АТЭС)... Внутренняя пестрота региональных версий не дает возможности осмыслить интеграционные процессы как типологически родственные. О том, что их конкретные формы лишь частные проявления более общих и масштабных тенденций, исследователи говорят мало, возможно не видя типологических связей за внешним многообразием интеграционных моделей.

Эксперты по общим проблемам мировой политики любят связывать интеграцию с глобализацией, но региональная специфика интеграционных тенденций часто остается за рамками их построений. Регионоведы, напротив, стараются «прорисовать» местные особенности, детали, признаки «особости», «инаковости», но нисколько не интересуются задачей «вписать» региональную конкретику в рамки хоть сколько-нибудь общей типологизации.

Работа профессора Йоркского университета (Великобритания) Марка Бисона в этом смысле – ободряющая попытка новаторства. Оглавление книги порождает неожиданное ощущение несоответствия содержания названию: современному состоянию интеграционных процессов (тому, что в первую очередь ожидаешь от книги с таким заглавием) отдана лишь одна из глав работы. Автор озабочен анализом скорее путей региональной интеграции, особенно восточноазиатской. При этом Бисон стремится совместить элементы исторического, социолого-политологического и политэкономического подхода, отдавая предпочтение первому.

Подчеркнутое внимание к страноведческим деталям, стремление с приторной дотошностью проследить уходящие к средневековью и глубже корни протекающих ныне процессов понятны. Автор с полным основанием не переоценивает меру информированности западной читающей публики о специфике и историческом контексте реалий Восточной Азии. Важно ему и другое: показать специфику форм, в которые отливается универсальный интеграционный мегатренд в восточноазиатском варианте как результат особенностей и исторического прошлого местных государств и географии региона. В этом новизна интеллектуального эксперимента Бисона: не утопить читателя в азиатской специфике, а напротив, помочь ему увидеть в ней закономерности универсального характера. Констатировать наличие элементов общности через выявление причин инаковости.

Содержательно книга может заинтересовать в нескольких отношениях. Во-первых, с точки зрения уточнения теорий интеграции. Автор воспроизводит и терминологически закрепляет вошедшее в середине 1990-х годов разграничение понятий «регионализм» и

«регионализация». Под первым он понимает сознательные меры государств или внутригосударственных регионов в целях координации политик и построения общих институтов (с. 5). В противоположность регионализму, регионализация в этой трактовке представляет собой результат этих мер или «естественных» экономических сил (с. 5). То и другое, подчеркивает Бисон, есть интеграция, которая предстает либо как процесс сближения стран через интенсивное взаимодействие, либо как желаемая цель этого процесса.

Фактическое отождествление категорий «интеграция» и «регионализм/регионализация» облегчают сопоставление тенденций в Восточной Азии и на пространстве Европейского Союза, подчеркивая их принципиальную однотипность. Рассуждениям о сходстве европейского и восточноазиатского опыта интегрирования посвящена большая часть первой главы.

Первостепенным оказывается понятие региональной идентичности (с. 6). Обращаясь к концепции «воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсона, Бисон утверждает, что складывание такой идентичности, или чувства сопричастности к региону (с. 7), – ключевая предпосылка формирования сообщества. Создание формальных институтов, напротив, выступает лишь внешним проявлением – «маркером» (с. 9) – этого феномена.

Автор не раскрывает структуру региональной идентичности и не дает ей хотя бы рабочего определения, полагая, что смысл этого понятия «сам собой разумеется». Термин неожиданно появляется в тексте, так же внезапно исчезает, оставшись непоясненным. При этом сам автор никакого единообразия его употребления не демонстрирует.

Говоря об идентичности стран ЕС, Бисон определяет ее как приверженность государств идее единой Европы (с. 6). Рассуждая о региональной идентичности Восточной Азии, он не может отыскать идеи, которая бы «работала» по аналогии. Автор ограничивается просто указанием на длительные периоды культурного и политического доминирования в регионе Китая и Японии, вызвавшие к жизни появление общих для большинства сопредельных с ними стран традиций, стереотипов и поведенческих норм (с. 10).

В ЕС основой интуитивного понимания оказывается идея, а в Восточной Азии – описание факторов, которые теоретически могли бы породить такую идею, но не породили ее. На Востоке есть «идея Азии». Ее можно в принципе равноположить «идее Европы». Но общеазиатской интеграции нет, есть интеграция лишь в некоторых регионах Азии. Поэтому *общеазиатская «идея» не выполняет той конкретно интегрирующей функции, которую в Европе выполняет «идея Европы». География переходит в психологию и практическую политику. В крошечной Европе идея общеевропейской общности работает в двух качествах – как региональная идея и как идея, культурно-психологически объединяющая всю эту часть света. В огромной Азии «идея Азии» существует, но она в несравненно большей степени, чем в Европе, дробится многообразием огромных азиатских частей-регионов и потому выполнять функцию региональной идеи в одном из них не может без угрозы отрицания себя самой как идеи общеазиатской.* Идеальная мировоззренческая и политическая установка на консолидацию, предполагающая сознательный, волевой момент активного действия, уподобляется объективным фактам исторического развития региона.

Бисон не идет так далеко. Он останавливается на констатации: идея принадлежности и идентичность важны в Западной Европе так же, как и в Восточной Азии, но различаются механизмы их формирования и функции, которые они выполняют в становлении конкретных интеграционных трендов.

Автор отдает себе отчет в сложности сопоставлений, указывая на «уникальные несравнимые геополитические условия, в которых зарождались региональные интеграционные импульсы» в Европе и в Азии (с. 11). Но он настаивает на необходимости осмысления обоих примеров интеграции как родственных или как минимум параллельных, теоретически совместимых, допускающих их рассмотрение в некоем

едином «вместительном» конструкте анализа. С исследовательской точки зрения, идеальным для этих целей автору показался конструкт региональной идентичности – предельно абстрактный и концептуально эластичный.

Во-вторых, в книге предпринята попытка выстроить шкалу объективных оценок «прогрессивности» интеграционных группировок. Автор полемизирует с (уже поднадоевшей) пятичленной схемой американского теоретика венгерского происхождения Белы Балаши о последовательной эволюции от зоны свободной торговли через таможенный союз и общий рынок к полной экономической и политической интеграции (1961). Детерминизму Балаши (с. 21) он противопоставляет более гибкий критериальный комплекс профессора Гетеборгского университета (Швеция) Бьёрна Хеттне. По мнению Хеттне, вести речь о регионализме можно, лишь убедившись в наличии у группировки объединяющихся стран таких условий, как естественные географические границы, институты региональной безопасности, высокий уровень организованного сотрудничества в культурной, политической, экономической и военной областях, наконец, наличие общих ценностей. Интегрирующийся регион должен быть способен выступать как консолидированный игрок, обладающий правосубъектностью и легитимностью в глазах других участников мирового взаимодействия. Такой регион должен также иметь институты принятия решений, хотя и необязательно наднациональные (с. 15–24).

Автор разделяет подход Хеттне. Он импонирует Бисону прежде всего в силу своей освобожденности от формализма и «экономического крена». Такой подход значительно раздвигает границы сравнения и увеличивает возможность увидеть в регионально-специфических феноменах черты универсальных тенденций – таких, как регионализация и глобализация. Жаль, что сформулированные критерии не получают в книге дальнейшего развития. Дав абрис интересного теоретического захода, сам автор не смог применить его последовательно при анализе конкретных аспектов восточноазиатского регионализма, «впав» в искус увлечения изолированными страноведческими зарисовками при минимальной типологизации.

Приятно удивляет предпринятое автором возвращение в научный оборот первоначального толкования понятия «глобализация». Под ней в книге понимается распространение в масштабах планеты (или как минимум нескольких регионов) того или иного принципа или ряда принципов организации человеческой деятельности (с. 43). Соответственно, по-новому прочитывается смысл слова «глобализация» в заглавии книги: автор видит интеграцию в Восточной Азии как проявление глобализации, преломленной региональной средой в местные специфические формы.

Для иллюстрации своего тезиса, Бисон избрал несколько наиболее репрезентативных, с его точки зрения, примеров. Он задерживает внимание на вопросах о моделях государств, системе коллективной безопасности, на вариантах развития и «экологизации» повестки дня мировой политики. Все проблемы этого ряда, которые, подобно интеграции, исходно определили путь эволюции обществ Европы, со временем стали характерны для других региональных зон. Бисон подчеркивает, что глобализация несет не истинную, а мнимую гомогенизацию мира. Она направляет движение процессов не по внутреннему, содержательному, а по внешнему контуру (с.36).

Бисон напоминает, что первоначально «государство развития» как инструмент форсированной модернизации было реализовано в Японии еще во второй половине XIX века (с.144). После окончания Второй мировой войны эта же концепция была проведена в жизнь в ФРГ. Общим для них была «разумность» и планомерность направляющих усилий государства. Такой тип государственного устройства распространился и на большую часть стран Юго-Восточной Азии. Правда, они многолики: различные соотношения авторитаризма и демократии, рынка и центрального планирования. Все это создает причудливую палитру режимов.

По-видимому, одна из центральных идей Бисона состоит в том, что факт заимствования модели политического устройства (ее «глобализация»), воспринимаемый как знак нарастания однородности мира, в действительности может быть свидетельством его диверсификации. Восточная Азия демонстрирует эту закономерность. Специфика протекания универсальных политических процессов в этом регионе в сочетании с ее высокой степенью включенности в эти процессы заставляет задуматься. О чем? Автор не дает конкретного ответа на этот вопрос, оставляя его на усмотрение читателя.

Книга полезна как минимум выяснением двух принципиальных моментов познания. Во-первых, в западной политологии сложилось понимание глобальной значимости восточноазиатских процессов и неотложной необходимости их пристального изучения для прогнозирования развития общей мировой экономической и политической ситуации. Во-вторых, по-видимому, американские исследователи стали уходить от устаревающей на глазах схемы анализа мировых интеграционных тенденций на примере и базе «европейского шаблона». Книга – выражение этих новых веяний и одновременно серьезный вклад в сопоставительный анализ и систематизацию интеграционных теорий. Таких книг мало, но они стали появляться. Во всяком случае, основательность анализа, продемонстрированная в рецензируемой работе, внушает в этом смысле некоторый оптимизм.

Андрей Байков

Примечание

¹Меркосур (Mercado Comu'n del Cono Sur - MERCOSUR) - субрегиональный торгово-экономический союз, в который входят Аргентина, Бразилия, Парагвай и Уругвай. Ассоциированные члены - Боливия и Чили.